

23.00.04

Политические проблемы международных отношений,
глобального и регионального развития

Political problems of international relations,
global and regional development

DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-1-38-46

Феминизм в Европе: перед лицом новых вызовов

Д.Д. Потапова^а ©, С.А. Шпагин^б ©

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
г. Томск, Российская Федерация

^а E-mail: d24zet12@gmail.com

^б E-mail: shpagin1972@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам развития идеологии феминизма в современных условиях. Цель работы состоит в выявлении факторов динамики идеологии феминизма в начале XXI в. Характеризуются основные версии классического феминизма: либеральная, марксистская и радикальная. Между истоками феминизма и марксизмом просматривается тесная связь, однако даже в ранний период взаимодействие этих идейно-политических течений было проблематичным. Прослеживается также взаимодействие феминизма с новыми социальными движениями на Западе в XX в. Констатируются противоречивые последствия развития женского движения для идеологии феминизма: с одной стороны, актуализация феминистической повестки в странах Запады создала условия для значительных успехов в деле защиты прав женщин и признания феминизма реальной политической силой, с другой стороны, эти же успехи снизили актуальность либеральной версии феминизма. Последние изменения в странах Европы оказывают существенное влияние на феминистскую повестку дня. В качестве одного из новых факторов идейной динамики феминизма рассматривается глобализация и, в частности, миграционный кризис 2010-х гг. Наплыв мигрантов из мусульманских стран не только ложится бременем на государственные бюджеты и снижает уровень безопасности жизни на континенте, но и размывает цивилизационную идентичность европейского общества. Мигранты-мусульмане не стремятся интегрироваться в европейский социум, часто игнорируют основополагающие ценности европейской цивилизации, и, прежде всего, – женское равноправие. Такая ситуация создает стимулы не только для обновления политических целей феминисток, но и для пересмотра идейных оснований самой их идеологии. В частности, намечается возможность отхода от традиционной опоры на левые политические лозунги и замену популярной среди радикальных исламистов марксистской фразеологии на ценности, связанные с защитой демократических завоеваний европейского общества.

Ключевые слова: феминизм, марксизм, дискриминация, гендерное насилие, ислам, мигранты

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Потапова Д.Д., Шпагин С.А. Феминизм в Европе: перед лицом новых вызовов // История и современное мировоззрение. 2021. Т. 3. № 1. С. 38–46. DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-1-38-46

Feminism in Europe: Facing new challenges

D.D. Potapova^a ©, S.A. Shpagin^b ©

National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russian Federation

^a E-mail: d24zet12@gmail.com

^b E-mail: shpagin1972@mail.ru

Abstract. The article is devoted to topical issues of the development of the ideology of feminism in modern conditions. The purpose of the work is to identify the factors of the dynamics of the ideology of feminism at the beginning of the 21st century. The main versions of classical feminism are characterized: liberal, Marxist and radical. There is a close connection between the origins of feminism and Marxism, but even in the early period the interaction of these ideological and political movements was problematic. There is also an interaction of feminism with new social movements in the West in the 20th century. The contradictory consequences of the development of the women's movement for the ideology of feminism are noted: on the one hand, the actualization of the feminist agenda in Western countries created the conditions for significant successes in protecting women's rights and recognizing feminism as a real political force, on the other hand, these same successes reduced the relevance of the liberal version of feminism. Recent developments in Europe have a significant impact on the feminist agenda. Globalization and, in particular, the migration crisis of the 2010s are considered as one of the new factors in the ideological dynamics of feminism. The influx of migrants from Muslim countries not only places a burden on state budgets and reduces the level of security of life on the continent, but also erodes the civilizational identity of European society. Muslim migrants do not seek to integrate into European society, often ignore the fundamental values of European civilization, and above all, women's equality. This situation creates incentives not only to renew the political goals of feminists, but also to revise the ideological foundations of their ideology itself. In particular, it is possible to move away from the traditional reliance on left-wing political slogans and replace the popular Marxist phraseology among radical Islamists with values related to the protection of democratic gains of European society.

Key words: feminism, Marxism, discrimination, gender-based violence, Islam, migrants

FOR CITATION: Potapova D.D., Shpagin S.A. Feminism in Europe: Facing new challenges. *History and Modern Perspectives*. 2021. Vol. 3. No. 1. Pp. 38–46. (In Russ.) DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-1-38-46

ВВЕДЕНИЕ

В течение XX в. проблематика гендерных исследований заняла прочное место, как в гуманитарных, так и в социальных науках. Значительный вклад в осмысление положения женщины в обществе внесли филолог Х. Арендт, историки Г. Бок и Н.З. Дэвис, политологи В. Брайсон, К. Мак-Киннон и многие другие. Хотя в России гендерные исследования представляют собой одно из самых молодых направлений социальных наук, здесь издается ряд специализированных журналов (самый известный – «Женщина в российском обществе»), а имена С.Г. Айвазовой, А.А. Гнедаш, Е.А. Здравомысловой, О.Г. Овчаровой, О.В. Поповой, Н.Л. Пушкаревой, Т.Б. Рябовой, О.А. Хасбулатовой, А.Е. Чириковой и других российских ученых получили в этой области знания заслуженную известность [Рябова, Овчарова, 2015: 450–453].

Однако, кроме научного изучения истории и актуального положения женщин в тех или иных странах, область гендерных исследований включает в себя также исследования феминизма. В идеологической плоскости феминизм представляет собой систему политических

ценностей и идей, на которые опирается движение женщин за равенство в правах (социальных, экономических и политических) с мужчинами. Совокупность социальных проблем, от решения которых зависит статус женщин в обществе, маркируется на языке феминисток как «женский вопрос». Развитие феминистской мысли было непоследовательным, поскольку потребности женщин были различны в разных обществах, ситуациях и исторических периодах. Вместе с тем, проблематика феминизма остается актуальной и в наши дни. Данная статья призвана очертить некоторые перспективы идейной эволюции феминизма в контексте миграционного кризиса 2010-х гг.

ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ ФЕМИНИЗМА В КОНТЕКСТЕ МАРКСИСТСКОЙ МЫСЛИ

Воззрения феминисток различаются по их позиции и направленности. Среди наиболее распространенных направлений феминизма В. Брайсон выделяет либеральный, марксистский и радикальный [Брайсон, 2001: 8]. Российский исследователь В.П. Макаренко добавляет к ним социалистический, культурный,

психоаналитический, черный феминизм и даже лесбийскую этику [Макаренко, 2000: 187]. Однако выделенные им разновидности трудно считать универсальными. Например, черный и психоаналитический виды феминизма получили распространение, главным образом, в США. Поэтому остановимся на более подробной характеристике лишь классических трех видов.

Зарождение либерального феминизма связано с борьбой женщин в США и странах Западной Европы за избирательные права и право на получение образования. Ключевой идеей либерального феминизма стала мысль о том, что «сходство полов, гендерная нейтральность должны лежать в основе законодательства, политики» [Королева, 2013: 46]. То есть, между женщинами и мужчинами должно быть равенство в юридических и политических правах. Специфической особенностью взглядов либеральных феминисток является ориентация на регулирование публичной сферы, а не семейных отношений. С их точки зрения, женщины находятся в невыгодном положении, однако после достижения юридического и политического равенства у мужчин не будет оснований притеснять их, и представительницам женского пола останется только выбрать, какие из предоставленных прав они считают наиболее актуальными для себя [Брайсон, 2001: 9].

Исторически феминизм как идеология и общественное движение за права женщин в различных сферах жизни общества и политическая идеология, основанная на акцентировании несправедливости неполноправного положения женщины в обществе, первоначально складывался в левой части политического спектра. Впрочем, либералы до определенного времени тоже считались левыми (а в США считаются ими до сих пор). Раннее индустриальное общество, каким оно было в Европе в XVIII–XIX вв., отражало преимущественно интересы состоятельных коренных европейцев – причем, главным образом, мужского пола. Это обстоятельство обусловило близость позиций нарождавшегося феминизма с идеологиями коммунистического и социалистического типа.

Основоположники марксизма, хоть и не посвятили специальных работ «женскому вопросу» [Айвазова, 1992: 162; Пушкарева, 2002: 2], много раз отмечали неполноправный, угнетенный статус женщины в буржуазном обществе. Так, К. Маркс еще в начале 1840-х гг. в статье «К еврейскому вопросу» возмущался: «Даже отношения, связанные с продолжением рода, взаимоотношения мужчины и женщины и т.д. становятся предметом торговли! Женщина здесь – предмет купли-продажи» [Маркс, Энгельс, 1955, т. 1: 411]. Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» (1884) описывал революционный путь решения «женского вопроса». Для его осуществления следовало осуществить коллективизацию домашнего труда и передачу обществу функций по уходу за детьми и их воспитанию. Это позволит уничтожить не только проституцию, но и господство мужчины над женщиной, т.к. теперь она сможет выйти за рамки семьи, включиться в общественное производство и стать наравне с мужчиной [Маркс, Энгельс, 1961, т. 21: 78, 84].

При этом теоретики марксизма оценивали дискриминацию женщин лишь как частный случай всей социальной дискриминации и не видели никакого

смысла в отдельном женском политическом движении. Поэтому деятельность суфражисток (т.е. либеральных феминисток, которые вели борьбу за предоставление женщинам избирательных прав) они считали «чисто буржуазной затеей», отвлекающей женщин-работниц от классовой борьбы, а самих феминисток Ф. Энгельс именовал, не стесняясь в выражениях: то «эти дамочки», то «буржуазные и мещанские карьеристки», то «полубуржуазные ослицы» [Пушкарева, 2002: 6–7].

Тем не менее, марксистское учение оказало заметное влияние на феминистскую идеологию. Возникла даже особая разновидность феминизма, тесно связанная с борьбой против капиталистической экономической системы и получившая наименование «марксистский феминизм». Это идейно-политическое течение объясняет все проблемы в социальном положении женщин не правовыми, а экономическими причинами, и поэтому больше концентрируется на социально-экономических преобразованиях. Как и другие марксисты, феминистки этого направления обращают особое внимание на проблему частной собственности и утверждают, что в классовых обществах собственность концентрируется в мужских руках. Уничтожение частной собственности как пережитка патриархального прошлого должно привести к освобождению всех, но, в особенности, женщин [Кашников, 2004: 165]. Вслед за А. Бебелем феминистки показывают экономические и нравственные предпосылки проституции в буржуазном обществе, критикуют теорию биологической обусловленности социального положения женщин и их предрасположенности к домашнему образу жизни [Батуренко, 2019: 116]. Чтобы было достигнуто равенство, утверждают марксистски мыслящие феминистки, на смену капитализму должен прийти коммунизм. Рассуждая в данном ключе, они ставят задачу предоставления женщинам права на достойную оплату труда и достаточные возможности участвовать в классовой борьбе. Таким образом, женщина могла бы стать полноправным участником профессиональной деятельности, а ее бытовые задачи больше не носили бы характер первостепенных. Наконец, из марксизма феминистки заимствовали и другие политические идеи, например, положение о том, что идеи экономически господствующего класса являются господствующими идеями, или концепцию культурной гегемонии А. Грамши [Макаренко, 2000: 202].

Радикальные феминистки идут еще дальше в защите интересов женщин. По мнению представительниц данного направления, власть мужчин носит повсеместный характер. Она не ограничивается только политической и экономической сферами, но распространяется также и на социальную, и даже на личную жизнь, затрагивая самые частные ее проявления. Например, Б. Фридан указывала, что общество при помощи псевдонаучных теорий, модных журналов и рекламной индустрии навязывает женщине сферу самореализации, ограниченную семьей, сексом, детьми и домашним хозяйством [Полутова, 2013: 73]. Более того, радикальные феминистки считают, что различия в характере между мужчинами и женщинами в основном обусловлены биологическими, а не социальными причинами, и утверждают, что женщины по своей природе превосходят мужчин [Брайсон, 2001: 10].

Потанова Д.Д., Шпагин С.А.

В этом смысле радикальный феминизм представляет собой идеологию особого рода, претендующую на переосмысление сути политической власти и политики в целом. Ключевым в этом смысле становится обращение политики от управления публичной сферой к регулированию частных, и в особенности – интимных отношений. Как пишет профессор Оксфорда Д. Миллер, «феминисты указывают не столько на политическую природу взаимоотношений мужчины и женщины, сколько на неспособность политики их регулировать. Политическая власть в той форме, в какой она существовала до сих пор, не установила адекватных параметров для регулирования интимных отношений между полами» [Миллер, 2007: 132].

Если либеральный и марксистский феминизмы акцентировали свое внимание лишь на отдельных аспектах и сферах социальной жизни, «пристраиваясь» тем самым к традиционным идеологиям – либерализму и марксизму соответственно, то радикальный феминизм настаивает на кардинальном пересмотре самих рамок социальности, на включении в них не только публичной, но и частной жизни: «Самые масштабные стремления феминистической идеологии подразумевают движение в другом направлении – искоренить глубоко укоренившиеся в обществе традиции сексизма и патриархального неравенства, которые проникли во все сферы, как социальной, так и политической жизни... На кону стоит не захват политической власти, а изменение стереотипов, которые после столетий традиционно предвзятого отношения к женщине прочно вошли в наше сознание» [Шварцмантель, 2009: 197]. Признавая личное политическим, требуя правового регулирования этих отношений, радикальные феминистки бросают вызов всей традиционной модели политики.

СОЦИОДИНАМИКА ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР РЕШЕНИЯ «ЖЕНСКОГО ВОПРОСА»

В XX в. защита прав женщин как ущемленной части общества органично сочеталась с борьбой за права иных неполноправных социальных категорий. Например, молодежное движение первоначально формировалось под руководством лондонской церкви в XIX в. и получило свое широкое распространение уже к началу XX в., выйдя за пределы не только Лондона, но и на все страны Европы и другие континенты. На рубеже веков диссеминация социалистических идей и развитие рабочего движения способствовали объединению работающей молодежи в союзы. Главной повесткой деятельности таких объединений была антимилитаристская пропаганда, которая вызвала опасения у руководства Европы и была встречена запретами [Володин, 2018: 58].

Революционные события 1917 г. в России оказали влияние на международные молодежные и феминистские движения. В 1918 г. в Финляндии и Австрии формируются Коммунистические союзы молодежи, которые сконцентрировались на проблемных вопросах мужчин и женщин во всех сферах жизни общества, включая юридические права, право на труд и прочее. Молодежные движения разделились в соответствии с характером их преобразований на реформистские

и революционные. Последние пользовались недоверием у правящей элиты и поэтому не допускались к принятию важных политических решений. Принципиальные отличия мешали объединиться вплоть до распространения в странах Запада фашизма. Тогда, после Парижского мирового конгресса молодежи против войны и фашизма (сентябрь 1933) и нарастающей угрозы, было решено привлечь широкие массы молодежи для противостояния врагу. Всемирный конгресс молодежи, прошедший в Женеве (1936) окончательно объединил молодежь независимо от их взглядов и убеждений [Там же: 59].

С началом Второй мировой войны в сознании молодежи произошли изменения: к борьбе против фашизма подключились те, кто ранее не были активными или даже придерживались аполитичных взглядов. Во время первой антифашистской демонстрации в Праге (октябрь-ноябрь 1939) руководители студенческих организаций были убиты, а более тысячи студентов отправлены в концлагеря. Это послужило толчком для проведения большого количества демонстраций и в других странах, например, во Франции, а также созданию Всемирного Совета Молодежи (1942), ставившей перед собой цель полной ликвидации фашистского режима и объединивших рабочую и студенческую молодежь разных стран для общей борьбы. После окончания Второй мировой войны был образован Международный союз студентов, собравший организации из 38 стран мира, который представлял интересы демократической молодежи [Володин, 2018: 62]. В дальнейшем молодежь уже активно участвовала даже в политических делах и могла отстаивать свои интересы в высших структурах государства.

События второй четверти XX в. показали повсеместность дискриминации. Либеральные идеи, провозгласившие незыблемость человеческих прав и свобод, оказались под сомнением ввиду создания и распространения идеологий, открыто противопоставлявших себя либерализму. Правительства нацистской Германии и фашистской Италии отрицали правовое равенство людей, отвергали личную свободу и ставили приоритетом общественные интересы. В Италии это проявлялось в создании «государства-корпорации», а в Германии – в пропаганде превосходства так называемой «арийской нации» над другими. Геноцид в нацистской Германии признан самым массовым за всю историю. Он основывался на ненависти к представителям чужой нации и отказывающимся поддерживать официальные политические взгляды. В стремлении утвердить свое господство над завоеванными народами, нацисты не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей.

Трагический опыт нацистского геноцида стал причиной осознания глобальных проблем и создания международных актов, в которых бы закреплялись права людей, и отражалась бы борьба с дискриминацией. Такими документами стали Устав Организации Объединенных Наций (1945), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах граждан (1946), Международный пакт о гражданских и политических правах (1946) и другие. Отличительной чертой данных актов является их идейная направленность не только на защиту прав и свобод, но и на пути достижения правосудия в случае ущемления этих прав.

В свою очередь страны, подписавшие данный договор, обязаны пресекать дискриминацию любого характера на самых ранних стадиях ее проявления.

Еще одной разновидностью социальной дискриминации стала расовая дискриминация, крайней формой которой является апартеид (политика разделения страны по расовому признаку). Стоит отметить, что расовая дискриминация представляет собой социальное явление, субъектом которого выступает индивид; апартеид же является политикой, субъектом которой выступает государство. Событием, подтолкнувшим к преобразованиям, стало господство политики апартеида в Южной и Юго-Западной Африке (1948–1990-е гг.). Оно характеризовалось распространением политической культуры, основанной на бааскапе (превосходстве белых), и ее влиянием на все сферы жизни. Кроме того, существовала определенная иерархия, согласно которой высшее положение занимали белые граждане, затем азиаты и цветные, и низшая ступень отводилась чернокожему населению страны.

Дискриминационные законы затрагивали даже частную жизнь: запрет смешанных браков (1949) и закон о безнравственности (1960), согласно которому запрещено вступать не только в брак, но и в сексуальные отношения по расовому признаку. Примечательно, что связь феминизма прослеживается и с данным социальным явлением, поскольку чернокожие женщины в итоге подвергались не только расовой, но и гендерной дискриминации. Они не рассматривались как личность, трудовая деятельность сводилась к домашним обязанностям или работе прислугой, причем заработная плата чаще всего отсутствовала или была невысокой. Из-за санитарных и финансовых условий дети часто болели, вследствие чего был высокий уровень смертности. Такая политика была встречена внутренним сопротивлением, недовольством населения и массовыми восстаниями студентов, школьников и профсоюзов (например, «Движение черного сознания», акцентирующее на гордости чернокожих, сохранении африканских обычаев и ликвидации чувства неполноценности, которое было привито людям в результате политики апартеида). Несмотря на большое количество привилегий, которое досталось белым людям, 20% все же не поддерживали такую политику, вследствие чего была создана Прогрессивная федеральная партия, открывшая членство для всех рас, как только это стало легальным. Велико было и участие женщин в этом освободительном движении (публичные выступления против апартеида Надин Гордимер и участие женщин в профсоюзных организациях и партиях). Так, например, была образована женская организация «Черный кушак», создательницами которой стали шесть белых женщин среднего класса. Такое название было получено, поскольку во время митингов протестующие носили черные пояса – как символ траура по Конституции Южной Африки.

Таким образом, женское освободительное движение выступало союзником молодежного и рабочего движений, борьбы против апартеида и других форм социальной дискриминации. Неудивительно поэтому, что феминистские выступления получили поддержку со стороны таких марксистских теоретиков, как Сильвия Федеричи, Анджела Дэвис, Эвелин Рид, а тер-

минология марксизма («эксплуатация», «отчуждение» и т.д.) укоренилась в радикально-феминистском дискурсе. Так или иначе, но связь с критикой социальных пороков индустриальной цивилизации стала характерной чертой распространенных среди феминисток дискурсивных практик.

Нет никаких сомнений в том, что борьба за интересы женщин в западных странах дала ощутимые результаты. К началу XXI в. в принципах устройства и социальных институтах европейского общества произошли радикальные изменения. Становление постиндустриального общества – во многом, в ответ на вызовы индустриальной эпохи – позволило отчасти снизить остроту многих социальных проблем. Возросший уровень материального благополучия населения, усиление роли государственного менеджмента в регулировании социальных проблем, экономическая и политическая интеграция государств еврозоны, распространение информационных технологий – все это вместе создало мощный финансовый и организационный фундамент для решения проблем индустриального этапа социальной эволюции. Противоречия между трудом и капиталом, городом и деревней, центром и периферией, церковью и светским государством, которые лежали в основе политической борьбы в индустриальных обществах [Липсет, Роккан, 2004: 52–53], в большинстве европейских стран стали намного менее острыми, чем в предыдущем столетии. Им на смену приходят новые вызовы, связанные с обеспечением устойчивого развития, региональной безопасности, межконфессионального и межэтнического согласия [Борко, 2015: 9–13].

Вместе с этим изменилось и положение женщины в европейском обществе. Современная женщина может быть не только домохозяйкой, но и высокооплачиваемым специалистом, успешной предпринимательницей, ученым, генералом и даже президентом страны. Достаточно вспомнить имена германского канцлера А. Меркель, британского премьера Т. Мэй, ее норвежской коллеги Э. Сульберг, президента Литвы Д. Грибаускайте, президента Эстонии К. Кальюлайд, президента Хорватии К. Грабар-Китарович, чтобы понять, насколько реальны претензии женщин Европы на то, чтобы участвовать в управлении государством и обществом. В законодательных органах ряда стран существуют квоты на представительство женщин: так, в германском бундестаге за ними зарезервировано 30% депутатских мест от Христианского демократического союза и 50% – от партии Зеленых [Ветренко, 2011: 35].

Все менее заметными с правовой, карьерной, политической, имущественной точек зрения становятся границы между мужчинами и женщинами. Причем эти границы стираются даже в той сфере, в которой они могут казаться естественными – в области семейных отношений. В отпуск по уходу за ребенком теперь может отправляться не мать (как это было раньше принято), а отец. Более того, в некоторых странах Европы гендерные различия семейных ролей нивелированы настолько, что вместо наименований «отец» и «мать» в обращение введены понятия «родитель 1» и «родитель 2». Разумеется, это следствие не только изменений в положении женщины, но и признания западным обществом плюрализма гендерных статусов. Однако

Потапова Д.Д., Шагин С.А.

именно перед женщинами эти изменения открыли очень широкие возможности.

Такие фундаментальные сдвиги в структуре и принципах функционирования европейского социума не могли не сказаться на феминизме как идеологии и политической практике. С одной стороны, успехи в социальной эмансипации женщин снижают актуальность либерального феминизма, поскольку значительная часть традиционных политических целей феминисток в Европе успешно достигнута. Интеграция женщин в состав правящих элит большинства европейских стран дает им достаточную возможность влиять на формирование политической повестки дня. С другой стороны, традиционная связь феминистического и леворадикального дискурсов начинает ослабевать.

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС В ЕВРОПЕ И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Отчасти причиной перемен в настроениях европейцев стал миграционный кризис 2010-х гг., в ходе которого Европейский континент всего за несколько лет пополнился несколькими миллионами переселенцев из стран арабского Востока. За редкими исключениями все они – мусульмане, хотя и принадлежат к разным этнокультурным сообществам и конфессиональным течениям. В отличие от выходцев из стран Восточной Европы, иммигранты-мусульмане сильно отличаются от коренных жителей и образуют внутреннюю периферию западноевропейских обществ, порождаящую новую социокультурную и социально-экономическую «дистанцию» [Хенкин, Кудряшева, 2015: 138].

Стоит заметить, что факторы миграционной волны 2010-х гг. достаточно разнообразны. Важное место среди них занимают негативные последствия «арабской весны», особенно гражданские войны в Сирии и Ливии, от которых в Европу и бежала значительная часть мигрантов. Свою роль сыграло и сокращение международной гуманитарной помощи беженцам, находившимся в изгнании в соседних с Сирией странах – прежде всего, Турции. Все большее значение приобретает возросшая транспортная доступность для мигрантов стран Южной Европы, особенно Италии и Греции. Наконец, все более существенным становится фактор «воссоединения семей»: мигранты все охотнее едут в те страны, где уже поселились их родственники, соседи, знакомые и т.д. Причем эксперты все чаще отмечают, что основная часть прибывающих – это не нищие беженцы. Большинство из них бежит не из зон боевых действий, а просто из разрушенного региона, где нет экономических перспектив» [Гасанов, 2016: 12–14]. Тем не менее, иммигранты вне зависимости от материального положения претендуют на получение различных социальных пособий из бюджетов принимающих стран и муниципалитетов. Более того, не ограничиваясь чисто материальными запросами, они требуют предоставления им мест для отправления молитв, строительства мечетей и отдельных кладбищ, а в случае трудоустройства – пересмотра рабочего графика для совершения молитв в рабочее время, предоставления отпусков на время мусульманских праздников. Наконец, серьезной проблемой стало стремление многих мусульман

обучать своих детей в отдельных мусульманских школах [Хенкин, Кудряшова, 2015: 141].

Сказываются и мировоззренческие различия между мигрантами из мусульманских стран и «старыми» европейцами. В своих жизненных установках большинство мусульман, даже оказавшись в Европе, продолжает ориентироваться на Дар-аль-ислам (мир ислама), т.е. на нормы шариата. В соответствии с ними, мусульмане должны следовать патриархальным принципам: уважать старших, исполнять волю отца или другого старшего мужчины в роду. Женщины же находятся в неполноправном статусе, примерно аналогичном подростку, который либо ограничен в правах, либо не имеет их вовсе. Их удел – покорность, послушание мужчинам своей семьи, вступление в брак и воспроизведение потомства. Европейское общество с его религиозной терпимостью, равенством полов, правами женщин занимать руководящие должности и быть представленными в публичной сфере многие мусульмане воспринимают как Дар-аль-куфр, или территорию заблуждения. Им непривычны и непонятны женщины в статусе полицейского, мэра или судьи, и подчиняться им они не готовы [Гаджимурадова, 2016: 148].

Поэтому реальное положение женщин в семьях иммигрантов из стран Востока и поведение мужчин-мусульман по отношению ко всем женщинам далеки от европейских стандартов. Практика сексуальных домогательств и даже изнасилований мигрантами европейских женщин приобрела в последние годы пугающий размах. Широкую известность получили события в Кельне в 2016 г., когда в канун Нового года прямо на площади между вокзалом и знаменитым Кельнским собором множество женщин подверглись нападением со стороны мигрантов. Такое поведение даже получило на арабском языке особое наименование – «тахарруш», что означает сексуальную агрессию против неверных [Там же: 148]. Менее известно, что среди самих европейских мусульман на рубеже веков получили распространение так называемые «убийства части». Речь идет об убийствах (часто – близкими людьми) женщин, которые не желали придерживаться культурных и религиозных традиций ислама и предпочитали жить по западному образцу, т.е. хотели учиться, отказывались выходить замуж за двоюродных братьев и мужчин, выбранных семьей и т.д. [Гаджимурадова, 2017: 137]. Естественно, что совместимость современного ислама с принципами жизни в западном обществе вызывает у европейцев серьезные сомнения. В этой связи показателен пример близкого к Д. Кэмерону лорда Шейха – британского мусульманина, который считался сторонником консервативных семейных ценностей до тех пор, пока не попытался в 2013 г. жениться на молодой официантке родом из Самарканда без развода со своей женой. Не удивительно, что многие в Европе «опасаются, что ислам будет мешать их мусульманским соседям принять такие фундаментальные ценности, как демократия, толерантность и равноправие женщин» [Хенкин, Кудряшова, 2015: 144, 148].

Наконец, идеологизированная часть мусульманской уммы, вдохновляясь идеями неомарксистских теоретиков радикального ислама, подобных Г. Джемалю, рассматривают сопротивление Западу и европейскому образу жизни как часть мировой гражданской войны

между «великим богатством» и «великой нищетой». По их мнению, объединенные истинной верой мусульмане должны занять в начавшейся борьбе с мировым капиталом место пролетариата. А в той части исламской диаспоры, что получила образование и работу на Западе, лидеры «исламского коммунизма» видят боевое ядро исламского движения [Пасандиде, Асонов, 2018: 106].

В этом контексте становится понятно неоднозначное отношение к мигрантам со стороны значительной части коренного населения стран Европы. Иммигранты из стран арабского Востока все чаще выглядят в глазах общественного мнения населения европейских стран не беженцами от гражданских войн, а либо потенциальными террористами, либо, в лучшем случае – обычными гастарбайтерами, причем не всегда по-настоящему бедными, но активно претендующими на существенную долю ресурсов, в создании которых большинство из них не принимали никакого участия. Да и волна исламского экстремизма, прокатившаяся по Европе в 2010-е гг., никак не способствовала росту доверия коренных европейцев своим новым мусульманским согражданам.

На этом фоне все большее распространение в Европе получает правый радикализм, объединивший всех недовольных современной европейской политикой и отразивший в себе проблему мигрантофобии. Миграционный кризис, рост доли представителей религиозных и этнических меньшинств в структуре населения европейских стран, вынужденный отказ от акцентирования христианских элементов национальной идентичности только обострили накалявшуюся ситуацию. Формируется прослойка белых образованных людей, которые либо лишились работы, либо претерпели уменьшение заработной платы из-за переноса производства за рубеж и большого потока прибывших трудовых мигрантов. Из этих «старых европейцев» и формируется протестный электорат, который не поощряет дальнейший рост числа мигрантов и требует уменьшить количество предоставляемых им благ. Что примечательно, данный слой избирателей не выступает за иные формы социальной дискриминации, например, за ущемление прав представителей сексуальных меньшинств. Это люди, вполне лояльные европейской системе ценностей, но испуганные лишением рабочих мест и социальных гарантий, и отчаявшиеся от бездействия своих правительств [Современные ультраправые..., 2018: 4]. Отражением подобных настроений становятся, в частности, успехи на политической арене таких национал-популистских политических партий и движений, как Национальный фронт во Франции, «Альтернатива для Германии», Австрийская партия свободы, «Шведские демократы», «Лига Севера» в Италии.

Наконец, нельзя не заметить, что миграционный кризис заметно трансформировал структуру политических идентичностей во многих странах Европы. Ранее мигранты из стран третьего мира, мусульмане в том числе, воспринимались левыми политиками и их избирателями как часть эксплуатируемого класса, т.е. как потенциальные союзники. И это обстоятельство уже не раз отражалось на результатах общенациональных выборов. Так, например, именно голоса мусульманских избирателей обеспечили в 2002 г. победу коалиции

СДПГ и Зеленых на парламентских выборах в Германии, а в 2012 г. – победу социалиста Ф. Олланда на президентских выборах во Франции [Хенкин, Кудряшова, 2015: 147].

Теперь же превращение приезжих с Востока в крупных получателей социальных выплат, конкурирующих с коренными европейцами, и источник ухудшения криминогенной обстановки проблематизировали их социальную идентификацию. «Новых европейцев», живущих в закрытых гетто по законам шариата, начинают воспринимать теперь не только как нагрузку на государственные бюджеты, но и как угрозу самой европейской идентичности. Если для «старых европейцев» ценности толерантности, демократии, религиозного плюрализма и гендерного равноправия давно стали естественными, для мигрантов эти ценности пока остаются пустым звуком. И не менее далеко от этих стандартов отношение иммигрантов к европейским женщинам.

Несмотря на то, что многие европейские СМИ и официальные лица политкорректно обходят стороной эти вопросы, противоречие между неевропейскими гендерными стереотипами иммигрантов, с одной стороны, и восприятием их как «униженных и оскорбленных» – с другой, рано или поздно выйдет в публичное пространство. Темы криминальной миграции, гендерного насилия, «завоевания Европы мусульманами» и сохранения европейской идентичности перед лицом нарастающей активности многочисленных мусульман привлекают к себе все больше внимания. Тем самым проблематизируется не только актуальная политическая позиция феминисток по поводу конкретных случаев нападения мигрантов на коренных жительниц Европы, но и их классическая приверженность левым идеям. Рано или поздно сторонницы феминизма окажутся перед выбором между привычной европейской идентичностью и левой системой ценностей, значение которой для феминистического дискурса очень велико.

В этой связи нельзя не вспомнить о том, что изначально феминизм складывался из плюралистических источников. В своем исходном пункте он представлял собой идеологию практического гендерного опыта, «некое множество идей, связанных с опытом каждой женщины, которая сопротивлялась мужскому господству» [Макаренко, 2000: 186]. Здесь стоит вспомнить еще и о том, что среди классических идеологий уже есть одна, для которой значение опыта очень велико. Это консерватизм. Вполне возможно, что осознание свежего опыта мультикультурного общения способно побудить феминисток не только к борьбе за права мусульманских женщин в Европе, но и к стремлению опереться на традиционные ценности западного мира. И, коль скоро в постсовременном мире объектом сопротивления женщин становятся еще и действия мигрантов из культурно чуждых исламских стран, как знать, не приведет ли это к возникновению новой версии феминизма?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, актуальное положение европейского общества, связанное с появлением в нем новых конфликтных зон, ставит перед феминизмом

фундаментальную теоретическую и практическую проблему. Феминисткам предстоит найти свое место в новой системе политических координат, становление которой мы сегодня наблюдаем. Не исключено, что

в своем стремлении защищать права женщин в новых условиях, в поисках новой политической идентичности феминистки окажутся перед необходимостью пересмотреть ценностные основания своей идеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айвазова С.Г. К истории феминизма // *Общественные науки и современность*. 1992. № 6. С. 153–168.
2. Батуренко С.А. Марксистский феминизм: теоретический проект, генезис и опыт практической реализации в XX в. // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология*. 2019. № 1. С. 111–128.
3. Борко Ю. Европейский Союз в XXI веке: текущие дела и фундаментальные проблемы // *Современная Европа*. 2015. № 3 (63). С. 7–16.
4. Брайсон В. Политическая теория феминизма / пер. с англ. О. Липовской и Т. Липовской. М.: Идея-Пресс, 2001. 304 с.
5. Ветренко И.А. Положение женщин в России и Европе: сравнительный анализ // XIV Международная конференция «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 17–18 марта 2011 г., Екатеринбург. Ч. 2. Екатеринбург: УрГУ, 2011. С. 34–39.
6. Володин И.А. Международное молодежное и студенческое движение: этапы большого пути // *Научные труды Московского гуманитарного университета*. 2018. № 6. С. 55–71.
7. Гаджимурадова Г.И. Женская миграция из арабо-мусульманских стран в Европу: причины, современное состояние и перспективы // *Власть*. 2016. № 12. С. 147–149.
8. Гаджимурадова Г.И. Проблемы гендерного равенства в мусульманских общинах Европы // *Власть*. 2017. № 1. С. 136–138.
9. Гасанов Р.М. Миграционный кризис в Европе: причины, последствия, перспективы разрешения // *Актуальные проблемы современных международных отношений*. 2016. № 7. С. 11–22.
10. Кашников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика / НовГУ имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2004. 260 с.
11. Королева Т.А. Женское движение: генезис и эволюция // *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 368. С. 44–50.
12. Липсет С.М., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Партии и выборы: хрестоматия / отв. ред. и сост. Н.В. Анохина, Е.Ю. Мелешкина. Ч. 1. М.: ИНИОН, 2004. С. 49–80.
13. Макаренко В.П. Главные идеологии современности. Ростов н/Д: Феникс, 2000. 480 с.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1955–1965. Т. 1. 699 с.; Т. 21. 746 с.
15. Миллер Д. Политические учения. Краткое введение / пер. с англ. В. Кувшиновой. М.: Астрель; АСТ, 2007. 189 с.
16. Пасандиде С., Асонов Н.В. Марксизм в исламской политической мысли // *Власть*. 2018. № 5. С. 103–107.
17. ПолUTOва М.А. Методологические подходы зарубежных ученых к теории феминизма: истоки, этапы развития, основные направления // *Вестник Забайкальского гос. ун-та*. 2013. № 11 (102). С. 66–79.
18. Пушкарёва Н.Л. «Женский» вопрос в теории марксизма (Почему брак марксизма с феминизмом оказался несчастлив?) // *Женщина в российском обществе*. 2002. № 1. С. 2–14.
19. Рябова Т.Б., Овчарова О.Г. Гендерные политические исследования в России // *Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии* / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 444–460.
20. Современные ультраправые. Правый радикализм в Европе: идеология, социальная база, перспективы / под ред. В. Энгеля; Европейский центр толерантности. Амстердам–Афины–Будапешт–Берлин–Варшава–Лондон–Киев–Москва–Париж–Рим, 2018. URL: <http://ru.civic-nation.org/obshcheevropeyskiy-doklad/Radikalizm!!!.pdf> (дата обращения 27.12.2020).

REFERENCES

1. Aivazova S.G. To the history of feminism. *Social Sciences and Modernity*. 1992. No. 6. Pp. 153–168. (In Russ.)
2. Baturenko S.A. Marxist feminism: A theoretical project, genesis and experience in practical implementation in the XX century. *Bulletin Mosk. University. Series 18: Sociology and Political Science*. 2019. No. 1. Pp. 111–128. (In Russ.)
3. Borko Yu. European Union in the 21st century: Current affairs and fundamental problems. *Modern Europe*. 2015. No. 3 (63). Pp. 7–16. (In Russ.)
4. Bryson V. Political theory of feminism. O. Lipovskaya and T. Lipovskaya (transl.). Moscow: Idea-Press, 2001. 304 p.
5. Vitrenko I.A. The situation of women in Russia and Europe: comparative analysis. *XIV International Conference "Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research"*. March 17–18, 2011, Yekaterinburg. Part 2. Ural State University. Pp. 34–39. (In Russ.)
6. Volodin I.A. International Youth and Student Movement: Stages of the big way. *Scientific Works of Moscow Humanities University*. 2018. No. 6. Pp. 55–71. (In Russ.)
7. Gadzhimuradova G.I. Women's migration from Arab-Muslim countries to Europe: Causes, current state and prospects. *Power*. 2016. No. 12. Pp. 147–149. (In Russ.)
8. Gadzhimuradova G.I. Problems of gender equality in Muslim communities of Europe. *Power*. 2017. No. 1. Pp. 136–138. (In Russ.)
9. Hasanov R.M. Migration crisis in Europe: Causes, consequences, prospects for resolution. *Current Problems of Modern International Relations*. 2016. No. 7. Pp. 11–22. (In Russ.)
10. Kashnikov B.N. Liberal theories of justice and political practice. Veliky Novgorod: NovSU named after Yaroslav the Wise, 2004. 260 p.
11. Koroleva T.A. Women's movement: Genesis and evolution. *Bulletin of Tomsk State University*. 2013. No. 368. Pp. 44–50. (In Russ.)
12. Lipset S.M., Rokkan S. Disengagement structures, party systems and voter preferences. Parties and elections: Chrestomatiya. N.V. Anokhina, E.Yu. Meleshkina (executive eds. and comp.). Part 1. Moscow: INION, 2004. P. 49–80.
13. Makarenko V.P. The main ideologies of our time. Rostov on the Don: Phoenix, 2000. 480 p.
14. Marks K., Engels F. Writings. Ed. 2. Moscow: Gospolitizdat, 1955–1965. Vol. 1. 699 p.; Vol. 21. 746 p.
15. Miller D. Political teachings. Brief introduction. V. Kuvshinova (transl.). Moscow: Astrel; ACT, 2007. 189 p.
16. Pasandide S., Asonov N.V. Marxism in Islamic political thought. *Power*. 2018. No. 5. Pp. 103–107. (In Russ.)
17. Polutova M.A. Methodological approaches of foreign scientists to the theory of feminism: The origins, stages of development, the main directions. *Bulletin of the Transbaikal State University*. 2013. No. 11 (102). Pp. 66–79. (In Russ.)
18. Pushkareva N.L. "Female" question in the theory of Marxism (Why was the marriage of Marxism with feminism unhappy?). *Woman in Russian Society*. 2002. No. 1. Pp. 2–14. (In Russ.)
19. Ryabova T.B., Ovcharova O.G. Gender political research in Russia. In: Structural transformations and development of domestic schools of political science. O.V. Gaman-Golutvina (ed.). Moscow: Aspect Press, 2015. Pp. 444–460.
20. Modern ultra-right. Right-wing radicalism in Europe: Ideology, social base, prospects. V. Engel (ed.); European Center for Tolerance. Amsterdam–Athens–Budapest–Berlin–Warsaw–London–Kiev–Moscow–Paris–Rome, 2018. URL: <http://ru.civic-nation.org/obshcheevropeyskiy-doklad/Radikalizm!!!.pdf> (date of accesses: 27.12.2020).

21. Хенкин С.М., Кудряшова И.В. Интеграция мусульман в Европе: политический аспект // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 137–155.
21. Henkin S.M., Kudryashova I.V. Integration of Muslims in Europe: A political aspect. *Policy. Political research*. 2015. No. 2. Pp. 137–155. (In Russ.)
22. Шварцмантель Дж. Идеология и политика / пер. с англ. Е.В. Пызиной. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. 312 с.
22. Schwartzmantel J. Ideology and politics. E.V. Pyzina (transl.). Kharkov: Humanitarian Center, 2009. 312 p.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 97,86%

Р е ц е н з е н т: *Матвеева Е.В.*, доктор политических наук, доцент; профессор кафедры философии и общественных наук ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»

Статья поступила в редакцию 28.12.2020, принята к публикации 30.01.2021

The article was received on 28.12.2020, accepted for publication 30.01.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Потапова Дарья Денисовна, кафедра политологии факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. Томск, Российская Федерация. E-mail: d24zet12@gmail.com

Шпагин Сергей Александрович, кандидат исторических наук; доцент кафедры политологии факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. Томск, Российская Федерация. Author ID: 483556; E-mail: shpagin1972@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Daria D. Potapova, Department of Political Science, Faculty of Historical and Political Sciences, National Research Tomsk State University. Tomsk, Russian Federation. E-mail: d24zet12@gmail.com

Sergey A. Shpagin, Cand. Sci. (Hist.); associate professor at the Department of Political Science of the Faculty of Historical and Political Sciences of the National Research Tomsk State University. Tomsk, Russian Federation. Author ID: 483556; E-mail: Shpagin1972@mail.ru